

МИМОХОДОМЪ

Есть поговорка: „избавь меня отъ друзей, а отъ враговъ я самъ избавлюсь“.

Таковыми „друзьями“ въ литературѣ являются часто подражатели, которые доводятъ до карикатуры то, чему подражаютъ.

Подобныхъ подражателей, напр., имѣлъ Байронъ, „разочарованіе“ котораго распространилось по свѣту, вызывая подражанія. Но, Боже мой, во что оно превратилось у подражателей!

Байронъ протестовалъ противъ цѣлаго мірозданія, въ его произведеніяхъ человѣческая личность, безграничная въ своихъ желаніяхъ, но скованная условіями существованія, издавала вопли протеста противъ всего, что сковывало и ограничивало ее.

Но по стопамъ Байрона пошли „москвичи въ въ гарольдовомъ плащѣ“, морщившіе лобъ, кутавшіеся въ плащи, чтобы казаться разочарованными, и тоже въ своемъ родѣ „протестовавшіе“... напр., противъ балета, что казалось имъ уже верхомъ протеста.

Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ...

Таковыми маленькими „разочарованными“, доведшими протестъ Байрона до карикатуры, были полны тогда литературы всѣхъ странъ, между прочимъ и наша.

Въ настоящее время въ нашей литературѣ большое впечатлѣніе произвелъ М. Горькій своими яркими образами босяковъ — Челкаша, Мальвы, Сережки и др., которые явились какъ бы протестомъ противъ мѣщанской обыденности жизни, въ которыхъ свѣтится стремленіе къ „волѣ“.

И вотъ М. Горькому пришлось встрѣтить въ литературѣ многочисленныхъ „друзей“, подражателей, которые опошляютъ и доводятъ до карикатуры тѣ образы и тотъ протестъ, который есть въ произведеніяхъ М. Горькаго.

Вотъ, напр., въ *Орловск. Вѣст.* мы встрѣтили рассказъ: „Манька-Змѣйка“, подписанный псевдонимомъ: „Юрій Безпокойный“, въ которомъ изображается обольстительная босячка, прозванная „змѣйкой“ потому, что никто не можетъ похвалиться ея постоянствомъ.

Манька-Змѣйка царитъ надъ всѣми въ кабакахъ, гдѣ собираются босяки, матросы, качегары и т. д.

Дебоширятъ пьяныя компаніи порознь, переругиваются; заплетаются пьяные языки, бьется посуда отъ великой удалы... Но вотъ входитъ въ трактиръ Манька Змѣйка. Многовенно разъединенныя компаніи соединяются во-едино; сдвигаются вмѣстѣ столы и переругивавшіеся матросы и качегары уже сидятъ, братаются, пьютъ всѣ вмѣстѣ впе, емежку съ женщинами и дѣвушками, пьяными, растрепанными, циничными... И среди всей этой забулдыжной, расходившейся пьяной толпы царствуетъ Манька Змѣйка...

Въ нее влюбился матросъ Силонъ, да и Манька-Змѣйка влюблена въ него, но она приходитъ въ страшное негодованіе, когда Силонъ предлагаетъ ей выйти за него замужъ.

— Выходить, ха-ха-ха! Да знаешь ты, что я тебя люблю больше жизни... Ты мой, Ваня, мой... Я люблю... Люби меня такъ безъ закона! Я твоя! Я тутъ вся... Бери...

— Не могу такъ! Я сказалъ по закону!..

— Да что ты все по закону, да по закону... Такъ знай же, я тебя люблю, сильно люблю, а женой твоей не буду! Да! Знай...

— Манька Змѣйка, вольная, дикая, да закабалить себя съ Силовымъ, добрымъ, глупымъ, сильнымъ Силовымъ! ха-ха-ха! Ты дуракъ, — выкрикивала она, — ты дуракъ! Я вольная. Знай. Я не хочу „по закону!“ Я вольная! По вольному живи! Хочешь „такъ“...

— Не могу...

— Тебѣ надо по закону, чтобъ, значить, всю себя забрать! Чтобъ не было Маньки-Змѣйки! Чтобъ была Силова жена! ха ха ха... Ты дуракъ. Я не хочу, понимаешь, не хочу! Я Манька-Змѣйка, кого хочу милую, а не Силова... дурака Силова...

— Манька, попомнишь!..

— Что попомнишь?! Ты грозить? Такъ знай, что Манька не жена тебѣ. Нѣтъ, я не хочу, „закона“, я не хочу воли губить...

— Голодная, да вольная Манька-Змѣйка!

— Да, вольная! А ты у... сильный, большой, а воли не понимаешь... шутера и ты.

— Манька!..

— Что Манька, что Манька! Не знаешь ты Маньки... для Маньки всего дороже воля... Что Силонъ, что Антюхинъ... что другіе... воля дороже... Я вольная и плевать на васъ хочу...

— Манька!

— Что Манька? Вольная, да, вольная, а ты „по закону“... Нѣтъ „по закону“ тамъ, гдѣ воля! Мнѣ воля дороже... а ты... шутера! Живи! скоро, скоро живи. Уйдетъ жизнь! Скоро надо, а не „по закону“... Эхъ, ты!

Силонъ преобразился. Вставъ, онъ размялъ свои мощные члены; вся кровь прилила въ голову.

— Манька, говорю...

— Что говорю? Что говорю?... металась Манька-Змѣйка по комнать... Ты шутера такая, какъ другіе, шутера, дрянъ. Воли не понимаешь, а большой. Эхъ! Воля дороже!.. Воля...

Кончается тѣмъ, что Силонъ, большой, но

не понимающей воли, хватает Маньку-Змѣйку за горло и душитъ, а авторъ умиляется мученичеству ея за волю.

Кажется, трудно больше окаррикурировать произведенія М. Горькаго, чѣмъ это сдѣлалъ „Юрій Безпокойный“. Но, къ сожалѣнію, онъ далеко не одинокъ и едва ли даже ему можетъ быть отдана пальма первенства въ окаррикурированіи оригинала. Много подобныхъ!

— Вотъ, напр., въ *Уральской Жизни* было напечатано яко бы „стихотвореніе въ прозѣ“: „Тайна лѣсовъ“, авторъ котораго въ простотѣ сердца думалъ, вѣроятно, что подражаетъ „Пѣснь о соколѣ“.

Во время бури „густая поросль кустарниковъ гибкихъ“ жалуются „великанамъ“—елямъ, березамъ и столѣтнимъ дубамъ:

Туча ужъ близко, совсѣмъ, ужъ надъ нами—горе намъ, горе! Слѣзницей грозой, ударомъ громовымъ и страшнымъ порывомъ могучаго вихря всѣхъ насъ смететъ роковой ураганъ.

— Роскошный багрянецъ нарядной одежды вѣтеръ снесетъ, разбросаетъ кругомъ; съ грязью и пылью уборъ нашъ прекрасный дождикъ смѣшаетъ потомъ.

— Своихъ матерей обнаженные вѣтви будутъ хлестать, какъ залятыхъ враговъ.

— Горе намъ, горе! морозъ леденящій скуетъ наше сердце движеніе соковъ.

— Такъ мы погибаетъ безславно, позорно на радость слѣзыхъ и жестокихъ враговъ.

— За что же, за что! Иль кому помѣшало невинное счастье зари нашихъ лѣтъ?

— Чья мирная радость отчаянья ядомъ, тоской и слезами отравлена нами?

— О ужасъ! Ужъ буря идетъ...

— Проклятіе небу, что насъ, беззащитныхъ, неправдѣ во власть отдаетъ!..

А „великаны“ отвѣчаютъ, по словамъ автора, „громовой рѣчью“, а на самомъ дѣлѣ шершавыми стихами:

— О, жалкое племя, отцовъ недостойное!

— Горе и стыдъ намъ—твое малодушіе!

— Презрѣнья достойно ты съ жалобой робкою, дѣтскою, наивною, позорно трусливою!

— Узнать захотѣло, за что буря грозная, зима ледяная мертвѣть насъ?—такъ слушай же!

— Степъ пустынныхъ, лѣса лишенные, тучъ не питаютъ.

— Лѣса же дремучіе капля за каплею воду собираютъ.

— Влагодой, усердно такъ нами собираемой, туча питается, намъ же на горе:

— Въ злобѣ неслыханной плетъ на насъ молніи съ громовыми дикими бурями лютыми.

— Вихри свирѣпые злобно срываютъ съ насъ листья багряные, яростно топчутъ въ грязи.

— Буря жестокая жаждетъ безсмысленно жизни источникъ своей иссушить.

— Тщетно! Напрасны усилія злобныя:

— „Жизнь нашу мирную ей не дано заглушить!“

И много можно бы привести подобныхъ „произведеній“, которыя не только пишутся, но—что удивительнѣе—печатаются, и даже въ недурныхъ газетахъ, какими являются *Орловскій Вѣст.* и *Уральская Жизнь*, какъ въ свое время не мало печаталось нелѣпыхъ подражаній Байрону.

Очевидно, въ свое время, многіе, очарованные произведеніями Байрона, не замѣчали каррикатурности его подражателей, хотя эта каррикатурность, въ концѣ концовъ, набросила тѣнь и на самый оригиналъ.

Теперь мы уже пожимаемъ плечами и улыбаемся, читая байроническія подражанія, но самъ Байронъ сохранилъ и для насъ свое обаяніе, потому что произведенія его были выраженіемъ его души и времени.

И очевидно, что много было въ немъ силы, если ее не могли затемнить даже бессмысленныя подражанія, хотя въ свое время послѣднія больше принесли ему вреда, чѣмъ нападки враговъ.

Приблизительно та же исторія повторяется и съ произведеніями М. Горькаго.

По поводу двухсотлѣтія Петербурга газеты полны статьями о Петровскомъ времени, имѣвшемъ такое громадное значеніе въ нашей исторіи.

Вспоминаютъ, какъ много создалъ Петръ Великій, положившій свою руку на цѣлыя столѣтія.

Онъ преобразовалъ управленіе, армію, церковь, нравы, семейную жизнь, первый создалъ газету, измѣнилъ начертаніе буквъ, даже письменный языкъ, положивъ основы того литературнаго языка, которымъ мы пишемъ теперь.

Интересно, что даже и въ мелочахъ Петръ Великій какъ бы проложилъ путь будущимъ поколѣніямъ. Напр., какъ указали *Бирж. Вѣд.*, онъ первый въ указѣ 17 апрѣля 1723 г. называлъ голодъ „недородомъ“.

Съ легкой руки его такое названіе потомъ употреблялось не разъ и дошло и до нашего времени, какъ и его табель о рангахъ, противъ которой напрасно говорятъ философы.

Дѣлались съ тѣхъ поръ подчистки и поправки, но самая табель стоитъ непоколебима, какъ скала.

Перо.